

Когда я вошел и поклонился, Лоркас Птомель сделал мне знак приблизиться, устремив на меня свои большие ужасные глаза, обратился со следующими словами:

– Вы провели среди нас несколько дней и успели за это время достигнуть, благодаря вашей доблести, высокого положения. Но, как бы, то, ни было, вы чужой. Странное дело с вами, – продолжал он, – вы пленник, но отдаете приказы, которые исполняются. Вы чужестранец, и в то же время таркский вождь. Вы карлик, а между тем убиваете сильного воина одним ударом кулака. А теперь доносят, что вы готовите побег с пленницей другой расы, с пленницей, которая, по ее же словам, почти убеждена в том, что вы возвратились из долины Дор. Каждого из этих обвинений было бы достаточно, что бы казнить вас, но мы справедливый народ, и после возвращения в Тарк дадим вам возможность оправдаться на суде, если только этого пожелает Тал Хаджус. Одна-ко, – продолжал он своим мрачным гортанным голосом, – если вы убежите с красной девушкой, отвечать перед Тал Хаджусом придется мне. Возникнет вопрос о старшинстве между мной и Тарс Таркасом, и я должен буду доказать свое право повелевать, или знаки вождя перейдут с моего тела к более достойному человеку, ибо таков обычай тарков. Между мной и Тарс Таркасом нет ссор. Мы вместе правим самой обширной из младших общин зеленых людей. Мы не хотим биться друг с другом. Поэтому я был бы рад, если бы вы умерли.

Но без приказания Тал Хаджуса мы можем убить вас лишь при двух условиях: в личной схватке при самообороне, если бы вы напали на одного из нас, или если бы вы были захвачены при попытке к бегству. В интересах справедливости я должен предупредить, что мы только и ждем одной из этих двух возможностей, чтобы освободиться от столь тяжелой ответственности. Для нас чрезвычайно важно доставить красную девушку к Тал Хаджусу. За целое тысячелетие тарки не имели еще такой добычи. Она внучка величайшего из красных джеддаков и нашего непримиримейшего врага. Я кончил. Красная девушка сказала, что нам недоступны мягкие человеческие чувства, но мы народ прямой и справедливый. Вы можете идти.

Я повернулся и покинул приемный зал. Так вот начало преследований Саркойи! Я знал, что никому иному не могу быть обязан этим доносом, так быстро достигшим ушей Лоркас Птомеля. Теперь я припомнил те отрывки своего разговора с Деей Торис, которые касались предполагаемого бегства и моего происхождения. Саркойя была старшей и доверенной прислужницей Тарс Таркаса. Это давало ей большую власть и возможности плести интриги, так как никто из воинов не пользовался таким доверием Лоркас Птомеля, как его наиболее способный сподвижник, Тарс Таркас.

Однако моя аудиенция у Лоркас Птомеля не только не изгнала из моей головы мысли о бегстве, но, наоборот, я сосредоточил на них все свое внимание. Я понял всю необходимость бегства, по крайней мере, для Деи Торис, так как был убежден, что в резиденции Тал Хаджуса ее ожидает ужасная судьба.

По описаниям Сола, это чудовище было живым олицетворением жестокости, свирепости и варварства минувших веков. Холодный, коварный, расчетливый, он, в противоположность большинству своих современников, был рабом диких животных страстей, почти исчезнувших в груди тарианцев, так как медленное умирание планеты давно уже уничтожило инстинкт к размножению.

Меня бросало в дрожь при мысли о том, что Дея Торис может стать жертвой этого мерзкого атавизма. В то время как я блуждал по площади, погруженный в свои мрачные мысли, ко мне подошел Тарс Таркас, возвращавшийся из приемного зала. Его внешнее обращение со мной ничуть не изменилось, и он приветствовал меня, как будто мы расстались всего несколько минут назад.

- Где вы живете, Алекс? - спросил он.

- Я еще не выбрал себе дом, - ответил я. - Мне казалось, что лучше всего поселиться одному или среди других воинов, и я ждал случая спросить у вас совета. Как вы знаете, -я улыбнулся, - я еще вчера освоился с обычаями тар-ков.

- Пойдем со мной, - сказал он, и мы вместе направились к зданию, которое, к моему удовольствию, как раз примыкало к тому, где помещалась Сола и ее стража. - Я живу на первом этаже, - сказал он, - второй этаж также занят воинами, но третий и верхние свободны. У вас будет большой выбор. Я слышал, - продолжал он, - что вы уступили свою женщину красной пленнице. Ну что ж, как вы сами сказали, ваши пути - не наши пути, но вы сражаетесь за нее, вам это нравится. Поэтому, если вы отдаете вашу женщину пленной - это ваше дело. Но, как вождь, вы имеете право на услуги, и, в согласии с нашими обычаями, можно выбрать любую женщину из штата тех вождей, чьи знаки вы теперь носите.

Я поблагодарил его, но сказал, что могу отлично обойтись без посторонней помощи, за исключением готовки. Тогда он обещал прислать женщину, которая готовила бы мне, а также смотрела за моим оружием и амуницией, что, по его словам, также необходимо. Я попросил также, чтобы мне дали те шелковые и меховые одеяла, которые принадлежали мне по праву победителя. Ночи стояли холодные, а своих одеял у меня не было.

Он обещал исполнить мою просьбу и ушел. Оставшись один, я поднялся по винтовому коридору в верхние этажи и стал подыскивать себе помещение. Ве-ликолепие других зданий повторялось и в этом, и по своему обыкновению, я вскоре увлекся исследованиями и открытиями.

В конце концов, я выбрал себе комнату с окнами во двор, на третьем этаже, так как это приближало меня к Дее Торис, помещавшейся во втором этаже соседнего здания. У меня мелькнула мысль устроить какую-нибудь сигнализацию, которая дала бы ей возможность звать меня, если бы ей понадобились моя помощь.

К моей спальне примыкали ванная, гардеробная и другие жилые комнаты этажа. Всего их было около десяти. Окна здания выходили на огромный двор, окруженный с четырех сторон зданиями, фасадом, обращенные на улицы квартала. По двору бродили различные животные, принадлежавшие воинам, жившим здесь.

Двор весь порос желтой мшистой растительностью, покрывавшей почти всю поверхность Тары, а многочисленные фонтаны, статуи, скамьи и беседки свидетельствовали о былой красоте в стародавние времена, когда его наполняли золотоволосые смеющиеся люди, которых жестокие и непреклонные космические законы изгнали не только из их жилищ, но и вообще из жизни, оставив им единственное убежище в смутных легендах их потомков.

Легко было представить себе пышную листву роскошной тарианской растительности, некогда оживлявшей своими красками и шелестом эти места, грациозные фигуры женщин, стройных и красивых мужчин, счастливых резвящихся детей - все это в лучах солнца, радости и мира. На смену их эпохе пришли века мрака, жестокости и невежества, пока наследственный институт культуры и гуманности не проявил себя снова в этой смешанной расе, которая теперь преобладала на Таре.

Мои мысли были прерваны появлением нескольких молодых женщин, нагруженных оружием, шелковыми покрывалами, мехами, драгоценностями, кухонными принадлежностями и ящиками с провизией и напитками; включая значительную добычу с воздушного корабля. По-видимому, все это принадлежало двум убитым мною вождям и теперь, по обычаю тарков,

перешло ко мне. По моим указаниям они сложили вещи в одной из задних комнат и ушли, но вскоре вернулись опять с новым грузом и сообщили, что все это моя собственность. Во второй раз с ними явилось не менее десяти или пятнадцати других женщин и юношей, вероятно, составлявших свиту обоих вождей.

Это не были ни их родные, ни жены, ни слуги. Между ними и вождями были своеобразные отношения, так мало похожие на что-либо известное нам, что их даже трудно объяснить. Всем имуществом у тарианцев владеет община, за исключением личного оружия, украшений и шелковых и меховых одеял. Отдельный тарианец может назвать, бесспорно, своими только эти предметы, не имея права накопить их больше, чем это соответствует его действительной потребности. По отношению к избытку он является просто хранителем, и лишние вещи передаются, по мере надобности, младшим членам общины.

Женщин и детей свиты вождя можно сравнить с военной единицей, за которую он ответственен, отвечая за их обучение, дисциплину, содержание, за постоянные их отлучки и бесконечные стычки с другими общинами и красными тарианцами. Женщин вождя никоим образом нельзя назвать его женами. У зеленых нет слова, соответствующего по смыслу этому земному обозначению. В половом подборе они руководствуются лишь интересами общины и не признают естественного отбора. Совет вождей каждой общины заведует этим делом с такой же уверенностью, как собственник какого-нибудь конного завода руководствуется научным спариванием для улучшения породы своих лошадей.

В теории это может звучать хорошо, как часто бывает с теориями, но много-вековое применение этого ненатурального принципа сформировало расу холодных жестоких созданий с мрачной, лишенной радости и любви жизнью.

Это верно, что зеленые, как мужчины, так и женщины, безукоризненно добродетельны, за исключением таких дегенератов, как Тал Хаджус. Но лучше бы у них было больше человеческих качеств, хотя бы иной раз и за счет случайной потери целомудрия.

Зная, что должен принять на себя ответственность за всю эту компанию, хочу я этого или нет, я сделал все, что мог, и, первым делом, послал их устраиваться в верхних этажах, оставляя третий этаж для себя. Одной из девушек я поручил мою кухню, другим же предложил заняться тем, чем они занимались до сих пор. После этого я мало их видел, да и не стремился к этому.

После битвы с воздушными кораблями община еще несколько дней оставалась в городе, откладывая обратный поход, опасаясь возвращения кораблей. Быть захваченными врасплох среди такой открытой равнины с табором повозок и детей не соответствовало желаниям даже столь воинственного народа, как зеленые.

Во время периода нашей бездеятельности Тарс Таркас познакомил меня со многими военными обычаями и приемами тарков, научил меня ездить верхом и обращаться с теми большими животными, на которых разъезжали воины. Эти животные, известные под названием тотов, также опасны и злы, как и их хозяева, но если их укротить, то они вполне пригодны для надобностей зеленых.

Два таких животных достались мне от вождей, чьи знаки я носил, и я вскоре умел обращаться с ними не хуже здешних воинов. Способ управления ими был отнюдь не сложен: если тоты отказывались повиноваться телепатическим приказаниям своих всадников, они получали здоровенный удар рукояткой пистолета между ушей. Если этого было мало, то удары повторялись до тех пор, пока животное не будет укрощено или же пока оно не сбросит седока.

В последнем случае между человеком и животным начиналась схватка не на жизнь, а на смерть. Если человек оказывался достаточно ловким и метким стрелком, он оставался жив и снова ездил верхом, правда, уже на другом животном. Если же он был слишком неповоротлив, то женщины подбирали его измятое и истерзанное тело и, согласно таркскому обычаю, сжигали.

Мой опыт с Вулой побудил меня попытаться взять этих тотов мягким обращением. Первым делом я доказал, что им не удастся сбросить меня, и даже не-сколько раз изрядно лупил кулаком между ушей, чтобы показать им свою власть и превосходство. Затем постепенно я приобретал их доверие. Я всегда был в дружбе с животными и обращался с ними мягко не только из симпатии к, но и потому, что это приводит к лучшим и более прочным отношениям. В случае необходимости я мог бы лишиться человека жизни с гораздо меньшими угрызениями совести, чем бедное, неразумное, безответное животное.

Через несколько дней мои тоты стали предметом удивления всей общины. Они ходили за мной, как собаки, терлись об меня своими большими мордами, доказывая этим свое полное расположение ко мне и так беспрекословно слушались малейшего приказания, что тарианские воины стали приписывать мне какую-то особую земную силу, неизвестную на Таре. – Чем вы околдовали их? – спросил меня однажды Тарс Таркас, видя, как я далеко засунул руку в огромную пасть одного из них, у которого застрял в зубах камешек, когда он пасся на мшистой траве нашего двора.

– Хорошим обращением, – ответил я. – Вы видите, Тарс Таркас, более мягкие чувства тоже бывают иногда полезны, даже для воина. В пылу битвы и в походе я могу быть уверен, что мои тоты будут мне послушны, и это повышает мои боевые качества. Я лучший воин благодаря тому, что я более добрый человек. Для остальных воинов и для всей общины было бы полезно усвоить в этом отношении мои приемы. Всего лишь несколько дней назад вы сами говорили мне, как часто эти животные были, благодаря непостоянству их характера, причиной внезапного поражения. В решающий момент, когда уже была близка победа, они вдруг бунтовали и сбрасывали своих седоков. – Покажите мне, как вы этого достигаете, – был единственный ответ Тарс Таркаса.

И вот я, как можно подробнее, объяснил принятый мной способ тренировки тотот, и впоследствии он заставил меня повторить все в присутствии Лоркас Птомеля и собравшихся в полном составе воинов. Этот момент положил начало новой жизни для бедных тотот и, прежде чем мне пришлось покинуть общину Лоркас Птомеля, я имел удовольствие любоваться целым эскадроном послушных, отлично вымуштрованных животных. Эффект точности и быстроты, достигнутый при военных упражнениях, оказался настолько разительным, что Лоркас Птомель преподнес мне массивный золотой браслет с собственной ноги в знак признания моих заслуг перед общиной. На седьмой день после битвы с воздушными кораблями мы снова выступили в поход по направлению к Тарку, так как возможность повторного нападения казалась Лоркас Птомелю крайне маловероятной.

В последние дни перед отъездом я мало виделся с Деей Торис, так как был очень занят изучением, под руководством Тарс Таркаса, тарианского военного искусства, а также объезживанием моих тотот. Когда я заходил к ней, я не за-ставал ее дома, так как она ходила с Солой гулять по городу или осматривала различные здания по соседству с площадью. Я предупредил их не отходить далеко, имея в виду опасность встречи с большими белыми обезьянами, свирепость которых я испытал на себе. Однако для опасения было сравнительно мало причин, так как Вула сопровождал их во всех прогулках, а Сола была хорошо вооружена.

Вечером, накануне отъезда, я встретил их, когда они приближались к площади по длинной,

ведущей с востока, улице. Подойдя к Соле, я сказал, что беру на себя ответственность за сохранность Деи Торис. Затем я под каким-то предлогом послал Солу к себе на квартиру. Я вполне доверял этой женщине, но почему-то мне хотелось остаться наедине с Деей Торис, которая олицетворяла для меня симпатию и дружбу, которых я был лишен с тех пор, как покинул Землю. У нас было столько общих интересов, как будто мы родились под одной крышей, а не на разных планетах.

Я был уверен, что она чувствует это так же, как и я, так как при моем при-ближении растерянное и грустное выражение ее лица сменилось радостной улыбкой, и она приветствовала меня по обычаю тариан, положив свою правую ручку мне на плечо.

- Саркойя сказала Соле, что вы сделали настоящим тарком, - сказала она, - и что я буду теперь видеть вас так же редко, как любого другого воина.

- Саркойя первостатейная лгунья, - ответил я, - несмотря на то, что тарки так гордятся своей безупречной правдивостью.

Дея Торис рассмеялась.

- Я знала, что, став членом общества, вы не перестанете быть моим другом. «Воин может изменить свои знаки, но не свое сердце» - так гласит тарианская пословица.

- Мне кажется, они пытались разлучить нас, - продолжала она, - потому что, когда вы бывали, свободны, одна из женщин Тарс Таркаса всегда под каким-нибудь предлогом уводила Солу и меня. Они брали меня с собой в подвалы, где я должна была помогать им смешивать этот ужасный радиевый порох и изготавливать заряды. Вы знаете, что эти работы должны проводиться при искусственном свете, так как солнечный свет всегда вызывает взрывы. Вы заметили, что их пули взрываются, ударяя в какой-либо предмет? Ну, так вот, наружная непрозрачная оболочка от толчка пробивается и обнажает стеклянный цилиндрок, почти сплошной и снабженный на переднем конце крупницей радиевого пороха. В тот миг, когда солнечный свет, хотя бы рассеянный, коснется этого пороха, он взрывается с силой, которой ничто не может противостать. Если вам случится присутствовать при ночном сражении, вы заметите отсутствие этих взрывов, зато на следующее утро при восходе солнца все поле будет грохотать от взрывов выпущенных ночью пуль. Поэтому, как правило, ночью не применяют разрывные пули.

Я с интересом слушал объяснения Деи Торис об этой удивительной особенности тарианского военного дела, но мысли мои были заняты насущным вопросом о ее судьбе. Меня несколько не удивило, что они старались прятать ее от меня, но я пришел в сильное негодование, узнав, что ее подвергают тяжелой и опасной работе.

- А пришлось ли вам терпеть при этом еще какие-нибудь оскорбления, Дея Торис? - спросил я и, ожидая ответа, почувствовал, как приливает к моему лицу горячая кровь моих предков.

- Только в мелочах, - ответила она. - Я выше их оскорблений. Они знают, что я дочь десяти тысяч джеддаков и могу проследить свою родословную без всяких пробелов до строителя первого великого канала, и они, не знающие даже собственных матерей, завидуют мне. В душе они ненавидят свою ужасную жизнь и срывают свою жалкую злобу, зная, что я имею все то, чего они лишены, о чем им приходится только мечтать без надежды когда-либо достигнуть. Пожалеем же их, мой вождь, ибо, если даже нам суждено умереть от их рук, мы не можем отказать им в жалости, потому что мы выше их, и они это знают!

Если бы я знал значение этих слов: «мой вождь», обращенных красной тарианской женщиной

к мужчине, я был бы несказанно поражен, но я этого не знал, и узнал, лишь много месяцев спустя. Да, мне многое нужно было узнать на Мусрабе!

– Мне кажется, что мудрость велит встречать судьбу с наибольшим достоинством, Дея Торис. Но, тем не менее, я надеюсь добиться того, чтобы в ближайшее время, ни один тарианец, будь он зеленый, красный, розовый или фиолетовый, не посмел даже косо взглянуть на вас, моя принцесса!

У Деи Торис при моих последних словах тоже захватило дух, она взглянула на меня раскрытыми глазами, потом странно рассмеялась, причем на ее щеках появились две коварные ямочки, покачала головой и воскликнула:

– Какое дитя! Великий воин – и, все-таки, малое неразумное дитя!

– Что я такого сделал? – спросил я, оторопев.

– Когда-нибудь вы узнаете, если только мы останемся в живых. Но я вам не скажу. И я, дочь Морса Каяка, сына Тардос Морса, слушала вас без гнева, – закончила она.

Затем снова начала шутить и смеяться, подтрунивая над моей доблестью таркского воина, стоявшей в противоречии с моим добрым сердцем и добродушием.

– Мне кажется, – сказала она со смехом, – что если вам придется случайно ранить врага, вы возьмете его к себе и будете ходить за ним, пока он не выздоровеет. – На Земле мы именно так и поступаем, – ответил я. – По крайней мере, среди цивилизованных людей.

Это заставило ее снова рассмеяться. Она не могла этого понять, так как при всей своей нежности и женственности, она была все-таки тарианкой, а тарианец всегда стремится к смерти врага. Ибо смерть врага означает дележ его имущества между живыми. Мне было очень любопытно узнать, что в моих словах и поступках повергло ее минуту назад в такое смущение, и я продолжал настаивать, чтобы она объяснила мне это.

– Нет! – воскликнула она, – хватит того, что вы это сказали, и я слушала. И, если вы узнаете, что я умерла, что, вероятно, случится раньше, чем дальняя луна двенадцать раз обойдет вокруг Мусраба, то вспомните, что я слушала и... и что улыбалась.

Все это было для меня китайской грамотой, но чем больше я настаивал, тем решительнее она отказывалась удовлетворить мою просьбу, и мне так и не удалось добиться толку.

Тем временем день уступил место ночи. Мы гуляли по длинной улице, освещенной двумя лунами Мусраба. Мне казалось, что мы одни во всей вселенной, и эта мысль была мне приятна.

Холод тарианской ночи заставил меня набросить на плечи Дее Торис мое шелковое покрывало. Когда моя рука на миг обняла ее, я почувствовал дрожь, охватившую все фибры моего существа. И мне показалось, что она слегка прижалась ко мне, хотя я не был уверен в этом. Я только знал, что когда моя рука задержалась на ее плече дольше, чем это было нужно, чтобы накинуть покрывало, Дея Торис не отодвинулась от меня и ничего не сказала. И так, в молчании, шествовали мы по поверхности умирающего мира, но в груди, по крайней мере, одного из нас, горело то, что всего старше, и что все, же вечно ново. Я любил Дею Торис. Прикосновение моей руки к ее обнаженному плечу сказало мне это более ясно, и я понял, что полюбил ее с первого же мгновения, когда мой взор упал на нее, на площади мертвого города Корада.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/490260>